

Феррис Уилл

05. Навстречу

Маисовый (желтый) фон — это лицензионное соглашение, актуальное на момент размещения файла. Действующая версия и стоимость на FWbooks.ru

Зелёное поле — полностью бесплатная часть.

Если вы читаете, а цвет на полях синий — значит вы согласились оплатить.

Лицензионное соглашение

Большинство моих историй про будущее, поэтому соглашение с читателем позаимствовано оттуда. Главным образом потому, что оно мне нравится. В чём его особенности?

Я размещаю платные рассказы в свободном доступе. Между человеком и текстом не должно быть барьеров. Неправильно, когда оригинальную книгу трудно найти, при этом на сайтах различного качества выложены отличающиеся друг от друга нелегальные копии. Но свободный доступ не равно бесплатно. Распространять и хранить истории можно абсолютно свободно. Читать полностью – только за деньги.

Отменяется и презирается общепринятое правило: сначала заплати, потом узнай стоило ли оно того. Вы читаете и решаете сами. В каждой истории есть точка принятия решения. Больше половины истории доступно бесплатно. Затем, в точке выбора предлагается решить – стоит мой труд вашей оплаты или нет. Прекратить чтение, или купить и продолжить. Надо уметь уходить с плохого фильма. Бросать плохую книгу. Уходить от плохого человека. © [Михаил Жванецкий](#)

Прибыль агентов, издателей, магазинов и прочих непрчастных не заложена в цену. Мне нравится идея, что в качестве оплаты, если вы получили удовольствие от истории, вы угощаете меня своим любимым напитком, возвращая удовольствие. Если вы продолжаете чтение после точки выбора, то таким образом вы принимаете предложенный мной контракт и берёте на себя обязательство заплатить за мою работу. Сколько? Как я уже сказал угостите меня своим любимым напитком. Я фанат пива, поэтому переведите мне стоимость одного бокала того сорта, который вы предпочитаете. Но если вы отдаёте преимущество вину, мартини, виски, кофе или апельсиновому соку – ваша цена будет равна стоимости одной порции вашего любимого напитка. Я рассказываю то, что кажется интересным мне – вы угощаете меня тем, что любите вы.

Пять рассказов за четыре года. Самое важное, что я сделал за это время. Каждый перевод – это неподдельный положительный отзыв. Говорящий, что стоит продолжать.

Что запрещается: вносить изменения в мои файлы и тексты, в том числе удалять Соглашение и без согласования со мной сохранять их в другом формате. А также создавать свои произведения на их основе без моего участия.

Эта короткая и необычная история произошла с абсолютно обычными людьми. Настигла нежданно. Помимо их воли внезапно затянула в свои бурные потоки, смыв с берегов понятной предсказуемой жизни. Накрыла с головой. Вращала в своих водоворотах так, что они перестали понимать где верх, а где низ. Тем не менее, они хотели бы, чтобы она никогда не заканчивалась. Но всему в этом мире отведено своё время. Не меньше, но и не больше. И зачастую, особенно когда происходит что-то очень хорошее, кажется, что время пролетает за один вдох. Что судьба выделила несправедливо короткий отрезок твоей жизни, кажущейся в молодости ещё очень длинной. Но нет. На самом деле всему своё время. Своё время и как точка здесь и сейчас, и как отрезок, определяющий продолжительность.

Вообще, он собирался улететь на океан. Провалиться три месяца на пляже, не выходя из лёгкого или даже среднего опьянения. Но пандемия, закрывшая границы, спутала его планы. Впрочем, он вспомнил, как время от времени его накрывало ностальгическое желание побывать на озере, где он ещё совсем ребёнком провёл два, кажется, лета со своим отцом. Он почти ничего не помнил из своего детства, не помнил глаза своего отца, но из этого периода осталось несколько очень ярких впечатлений. Как он научился кататься на лодке. Самостоятельно грёб вёслами, размером куда больше его. Первая рыба, пойманная на самодельную бамбуковую удочку с пенопластовым поплавком. Мелкая дрянь из костей, потрохов и чешуи, едва ли годная даже кошке. Но он её помнил.

Ржавая баржа, притопленная на пологом берегу. Можно было забраться наверх в рубку, покрутить ржавый штурвал, понажимать загадочного назначения кнопки. Или спуститься в тёмный трюм, где за каждой новой переборкой таился неизведанный ужас, и в воде по щиколотку плавал странный мусор.

На самом деле это было не озеро. Судоходная река делала несколько поворотов в этом месте, и в излучинах образовалась система заливов. Первый залив, на дальнем от большой воды конце которого и располагалась деревня домов на двадцать - тридцать, был не очень велик. Один из серых от дождя и

особенно от времени бревенчатых домов принадлежал матери его отца. Бабушку он видел только в этих поездках, и совсем не помнил её лица. Тогда ему было лет пять. Может шесть. Отца помнил чуть-чуть лучше, так как последний раз видел его в двенадцать.

Противоположного края залива от деревни видно не было. Но если смотреть не вдоль, а поперек воды, то деревья, церковь и рядок торчащих из земли крошечных банек на другом берегу были хорошо различимы. Посреди был узкий и очень длинный травяной остров, и он не знал, была ли там сухая земля, или трава росла прямо из-под воды.

В дальнем краю залива проходила излучина реки, по которой ходили большие сухогрузы. И там, за поворотом, открывался уже по-настоящему огромный водный простор. В свою очередь отделенный небольшим мысом, образовавшемся на следующем изгибе реки, от настоящего бескрайнего моря. Водохранилища, протянувшегося на семьдесят километров в длину и десять-пятнадцать в ширину.

И он решил, что вирус дал хорошую возможность провести лето не на традиционном курорте, а в этой деревне, куда его время от времени тянуло. Каждый раз ему было жалко тратить отпуск на место, где неизвестно кто и что его ждёт, кроме наивных детских воспоминаний, в которых, на самых глубинах души, он боялся разочароваться. В этот же год он ничего не терял и даже радовался, что смог найти новые возможности в обстоятельствах, воспринимаемых большинством людей как непреодолимые препятствия, нарушившие все планы. Он верил, что умение жить заключается не в ожидании идеальных условий, а в стремлении использовать на полную катушку и получать максимум от того, что у тебя есть здесь и сейчас. И если ты это понимаешь, понимаешь не на словах, а всем сердцем, то можешь добиться большего, чем человек, у которого, кажется, есть всё.

Через две недели он встал в пять утра, выпил кофе, сел в свой темно-синий Ауди Allroad и поехал вперёд. Навстречу своему прошлому.

До места добрался уже глубоким вечером. В полях по обе стороны дороги клубился туман, собиравшийся в густую субстанцию над водой и, особенно, в оврагах. Он не сразу узнал нужный дом, который не видел четверть века. Тот оказался меньше, чем он помнил. Но правильно, дом всегда был одноэтажным. Это он вырос.

В поздних сумерках дом казался чёрным. Хотя он совсем не покосился, Нику подумалось, что дом стоит перед ним очень устало и не рад его приезду. Что он угрюмо и выжидательно смотрит на него своими темными окнами, недобро нахмутив свои карнизные свесы и как бы думая: "твое время быть здесь давным-давно прошло. Зачем ты приехал сейчас? Уезжай. Это не твоё время"

Заросший травой двор говорил, что здесь давно никто не живет. Да и во всей деревне не было видно ни огонька. И тишина. Вокруг стояла абсолютная тишина. Казалось, её можно пощупать. В его воспоминаниях в деревне постоянно скрипел сверчок, но сейчас не было слышно ни звука.

Он не решился сразу зайти в дом. Взял фонарь и, прорубая лучом света висящую над землей вязкую пелену, обошел деревню.

Очевидно, в ней уже никто не жил. Большинство домов сохранились хорошо. Были, конечно, и покосившиеся, ушедшие на половину первого этажа под землю. И амбары с провалившейся крышей. Он насчитал три дома, в которые уже не стоило заходить. Половина домов стояли заколоченными, половина были оставлены так.

Когда он вернулся и подёргал дверь, дом оказался заперт. Но скорее для порядка, чем для защиты от вторжения. Замок висел на скобах, прикрученных саморезами. Он легко выдрал их из тёмной древесины, оставив на ней светлые рваные раны.

Электричество в доме работало и даже лампочки были целые. Каким-то чудом никто не украл старые напольные часы. Они так и стояли, присматривая из угла главной комнаты за остальной обстановкой. Тёмные, массивные, антикварные. Они не ходили. Да и незачем. Некому было их слушать, некому было смотреть за временем.

Он включил желтый свет, но не почувствовал уюта. Наоборот, ощущение, что он здесь чужой только усилилось. Кровати стояли на своих местах, и матрасы на них имелись, но первую ночь он решил провести в своём спальнике, устроившись прямо на полу в большой комнате. Для этого ему пришлось пододвинуть большой лакированный стол ближе к стене.

Заснул он не ужинав и спал плохо. Ему приснилось, что он кого-то убил, какого-то известного актера. Как? Почему? По телевизору сообщили, что тело обнаружено в машине, тоже ауди и тоже синей, только не тёмной, как у него, а скорее голубой. И без крыши. Это был кабриолет. Уже старый, пятнадцатилетний, но почти без пробега. И откуда он знал эту деталь? Актёр, он всё силился вспомнить кто же это был, почти им не пользовался. Ник понимал, что он оставил слишком много следов, его точно найдут и посадят. В тюрьму не хотелось. И он очень обрадовался, когда, проснувшись под утро, понял, что это был всего лишь сон, и заснул опять. На этот раз спокойно и безмятежно.

Наутро всё поменялось. Да, не было такого ощущения сказки, волшебства как в детстве, но было хорошо. Неухоженная, но сочная и яркая трава радовала глаз на залитом солнцем дворе. Вразнобой пел невидимый пернатый хор. Всевозможные насекомые исполняли свою, стрекохуще-жужжащую симфонию.

Он решил сначала позавтракать прямо во дворе, а перенести вещи из машины и обустроиться в доме потом.

Закончив с этим, Ник пошёл к воде и там ему повезло: к крепким мосткам была привязана исправная лодка! Рядом на берегу, кверху килем лежала ещё одна, уже совершенно негодная. Её дно было напрочь дырявое. Вёсел не было, но он помнил, откуда их брал. Они, возможно это были те же самые вёсла, как и во время его детства, лежали на темных кованых штырях, вбитых в бревна на высоте глаз, внутри пристроенного к дому огромного амбара.

В том и прелесть такого отпуска, что можно делать что хочешь ничего не планируя. Никаких экскурсий на конкретную дату. Тебе не надо на пляж, ты не собирався провести время у бассейна, и теперь не требуется решать внести ли изменения в свои планы и какой выбор позволит отдохнуть максимально эффективно. Никаких ожиданий, а значит никакого разочарования, что бы ты ни выбрал. Всё просто. Он увидел лодку и решил прокатиться.

Он проплыл весь первый залив за полчаса. В прошлом, это было для него огромным путешествием. Пятилеткой он редко доплывал даже до старого церковного кладбища. Но сейчас и руки его стали сильнее, и все расстояния стали другими. Изменились масштабы, а с ними поменялось само пространство.

Очень странно было вот так идти на вёслах. Он одновременно смотрел и своими глазами, и глазами ребёнка, которым когда-то был. Одна реальность наслаивалась на другую. Повернув на Сухую реку, он ясно увидел сотни, пожалуй, тысячи огромных брёвен, заполонивших полноводное русло, и так поразивших мальчишку, когда отец взял его с собой, поехав на моторке в город за продуктами. Двадцать пять лет назад по Сухой сплавляли лес. Много леса.

И он тёр глаза, и закрывал их, и снова открывал. И смотрел, и смотрел, и не мог разделить переплетённые, спутавшиеся сети самого времени на тогда и сейчас.

На следующий день, через широкий разнотравный луг, где на каждом шагу встречались то россыпи жёлтого лютика, красоту которого он совсем позабыл в своем городе, то синяя аквилегия, то воздушные клубы пастушьей сумки и множество других розовых, фиолетовых и белых цветов, он отправился в лес за деревню. Но там ничего не казалось до боли знакомым, и воспоминания не вставали в его глазах. Все яркие впечатления были связаны с водой. Именно её

спокойное, но уверенное течение делало эту деревню волшебной. Лес же был обычным. В нём магии не было.

— Ну здравствуй.

Она ждала его прямо на крыльце, сидя на верхней ступеньке. Полуобернулась навстречу скрипнувшей двери.

— Здравствуй. — Он всегда отвечал на приветствия ровно тем словом, которым обратились к нему. Это очень важно. Чаще всего, он использовал нейтральное «добрый день», но оно казалось слишком официальным, отстранённым. Когда следует сказать «привет», когда «здравствуйте» - для него было самой сложной задачей на свете. Ему сложно давался переход на «ты», а уж ситуация, когда с кем-то путаешься, и говоришь то «ты», то «вы», то «привет», то «здравствуйте» ... брр... это же самое неловкое, что может быть. Поэтому он любил, когда обращались к нему, и он мог использовать для ответного приветствия то же слово. И боже, как же уместно было это её «здравствуй». Не «здравствуйте» и не «привет».

— Я очень хотела узнать, как мы с тобой познакомились, и собиралась вести себя так, будто ничего не было, чтобы все произошло как суждено. Но потом поняла: что бы я ни делала, я бы думала только о том, как это сможет помочь нашей встрече. И я решила: какого черта! Если сегодня правда последний день, когда я тебя вижу, то я не хочу потерять ни минуты. И вот я пришла с самого утра к твоему дому, и жду тебя.

Он смотрел в её круглые серые глаза и пока не решил, как реагировать. Она произносила странные вещи, но почему-то производила впечатление нормального человека. Более того, ему хотелось с ней говорить. Нечто в девушке притягивало его с первого взгляда.

— Ну ответь мне что-нибудь, ты же видишь я переживаю.

— Откуда ты взялась? Я не видел ни одного жилого дома здесь, хотя обошел всю деревню.

— Так же, как и ты, не смогла сидеть взаперти и приехала по зову прошлого.

— Но где ты живешь?

— В доме бабушки Нины. Это на другом краю деревни. Знаешь, я так нервничаю. Я говорю себе, что всё уже было, а значит я сегодня всё сделала правильно, но всё равно я так боюсь сделать что-то не так, и в результате всё исчезнет.

Он молчал.

— Я не знаю как, но вдруг всё пропадёт, и я забуду будто ничего и не было, а я не хочу забывать. Из-за какой-то случайной ошибки легко может быть стёрто то, чему суждено случиться в будущем, но если будущее и прошлое это одно и то же, то, наверное, из прошлого тоже что-то может пропасть.

Она тоже помолчала.

— Прости, что так вываливаю это на тебя, но я не придумала слов. Ты конечно решил, что я сумасшедшая, но я ведь не опасная, ты же видишь. — Она провела рукой по бедру, расправляя несуществующие складки на белом платье. — Дай мне шанс всё объяснить.

— Если хочешь.

— Сегодня день нашего расставания.

— Расставания?

— Да. Я больше никогда тебя не увижу.

На мгновение ему показалось, что она сдерживается, чтобы не глаза не навернулись слёзы.

— Тебе надо уезжать?

— Нет, но я... Но мы... Нет, я не могу. Правда можно не объяснять?

— Если не хочешь.

— Спасибо, — прошептала она так тихо, что он скорее прочёл по губам, чем услышал.

Он решил, что отделаться от неё всегда успеет, а пока он совсем не против пообщаться с этой аппетитной кудрявой малышкой.

— Кажется, повисла неловкая пауза? — Улыбнулся он. — Может прогуляемся, покажешь дом, в котором поселилась? Интересно, как я его пропустил.

— Пошли.

— Кстати, я Ник.

— Знаю. Ой прости, совсем забыла, что ты даже не знаешь моего имени. Я Кэт.

— Приятно познакомиться, Кэт.

И они провели этот день вместе. Гуляли вокруг деревни, болтали о всякой ерунде, просто молчали.

Он поймал странное ощущение, что его не напрягает молчание с Кэт. Ей не требовалось, чтобы он её развлекал, веселил, постоянно что-то рассказывал. Обычно, молчание между только познакомившимися людьми вызывает дискомфорт. А им было уютно.

До самого вечера они не возвращались к необычному разговору, с которого начали утром. И только совсем поздно вечером, когда он проводил её до дома, она прижалась к нему всем телом, обняла руками за шею, поцеловала в губы и сказала: "Прощай, Ник. Спасибо тебе за всё. Спасибо, что ты такой. Я видела в твоих глазах, что ты всё больше начинаешь только влюбляться в меня, но не подозревала, что у нас так мало времени. Как же быстро оно пролетело!"

— Ты снова говоришь загадками.

— Да, но не перебивай. Просто выслушай.

Она набрала воздуха и продолжила.

— Я знаю тебя гораздо больше, чем ты меня. Наше время идёт в противоположном друг другу направлении. Только дискретно. Мы так и не поняли ни почему, ни как это возможно. День мы проживаем вместе, только на утро у меня начинается то, что для тебя было вчера. Твое завтра наоборот - вчера для меня. Я знаю всё, что для тебя только будет, а ты с завтрашнего дня будешь

помнить то, чего не знаю я. Например, сегодняшний день. Когда я проснусь завтра... или вчера, для меня этот день ещё не будет прожит. Я даже не буду знать, что он последний. Ты мне не веришь?

— Не знаю. — Он правда не знал.

— Хорошо. Но завтра вечером ты должен будешь сказать мне, что встретил меня только вчера. Скажешь?

— Скажу.

— Хорошо. И ещё одно. Мы договорились кроме этого ничего не рассказывать друг другу про будущее. Нам кажется, иначе мы можем что-то испортить, повредить.

Она смотрела на него. Он молчал о чём-то задумавшись, сам не зная о чём. Возможно, он просто слушал, как в ночи перед домом скрипит старая яблоня.

— Пообещай мне.

— Это странная просьба, но, если ты настаиваешь.

— Настаиваю. Мы вместе так решили.

Она сунула ему в руку помятую свернутую бумажку.

— Чтобы тебе было проще поверить. Не открывай её. Придумай завтра какую-нибудь последовательность цифр или букв. Что-то, что невозможно повторить случайно. А вечером, когда скажешь, что у нас остался последний день, покажи мне. Я её запомню, то есть запомнила и записала. Она здесь. Когда придумаешь — разверни бумажку, и увидишь, что я её уже знаю, так как в моей струе времени ты её мне уже показал. И что наше время действительно течёт в противоположных направлениях.

Она ещё раз поцеловала его в губы, ещё раз прильнула к нему.

— А теперь иди. Иди, или я заплачу.

Она отстранилась, повернулась к нему спиной, взбежала на крыльцо и скрылась за дверью.

И он как-то машинально развернулся и пошел к себе. Легкий ветерок продолжал покачивать деревья, и до самого дома его сопровождал скрип старого толстого ствола. Скрип-скрип. Скрип-скрип.

Ник проснулся очень рано и ноги сами пошли к её дому. Он не думал зачем. Просто сидел на крыльце, как вчера Кэт сидела у его дома. Тишина. Нежные послерассветные облака неспешно перетекали друг в друга на дальнем краю пронзительно свежего неба того неуловимого оттенка, который бывает только рано утром и только на природе. Через два часа она вышла на улицу. В полупрозрачной хлопковой маечке и коротких аппетитных шортиках. Спросила, что он тут делает. Не успел он подумать, что всё, приплыли, как она продолжила: "я замерзла в кровати без тебя. Иди обними меня". И он пошел и обнял.

Это явно был какой-то фокус, розыгрыш. Но зачем? Ник решил, что просто подыграет, примет эти правила. Пропустить этап ухаживания, и сразу заполучить красотку, уже принадлежащую тебе? А она, очевидно, ему принадлежала. Или, как минимум, делала вид. Да почему бы и нет? Это же идеальный курортный роман! Сколько раз, живя в хорошем, чаще всего четырёхзвёздном отеле рядом с пляжем, четырёхзвёздном потому, что он, хоть это было и не обязательно, считал деньги и предпочитал лучшему хорошему, он был не против закрутить с какой-нибудь легкомысленной девчонкой. Но по большому счету так ни разу и не сложилось. По крайней мере не зашло достаточно далеко. И вот, впервые за десять лет поехав не на фешенебельный курорт, а в глухую деревню, он попал на всё готовое.

И он вёл себя, будто они давно знакомы, будто они давно вместе. И она так же. Он не чувствовал, что это странно. Чувствовал, что по какой-то причине ему просто повезло. Ему нравились ямочки на её щеках, нравилось прикасаться к её мягким волосам, нравился её запах и даже голос. Ему было ком-форт-но.

И его совершенно не удивило, что на завтрак она приготовила его любимую яичницу с помидорами, посыпав её двумя щепотками сахара, ни

больше и ни меньше. Ровно столько сколько нужно. Может это не самое романтическое блюдо, но он любил его. Любил с детства, когда бабушка разбивала яйца в большую сковороду из толстого железа и крупно нарезала туда же домашние, мясистые, сочные, по-настоящему вкусные помидоры, которые он так любил есть прямо с кустов в теплице, просто протерев от земли голыми руками. Бабушка готовила это блюдо сразу на обоих внуков, и всегда посыпала сахаром, и это сочетание казалось каким-то неправильным, но очень вкусным. Главный секрет был в том, чтобы сахара не было слишком много. Это очень важно. Если положить мало будет не вкусно. Много - совсем испортишь.

Подсознание сказало ему: "Ник, мне не нравится, как ты расслабился и отпустил ситуацию. Происходящее не нормально. Ты сам это знаешь. Ты должен быть начеку, неизвестно чем это обернется". Но он проигнорировал этот совет и сегодня, и потом, когда откуда-то изнутри, он однажды услышал эти слова снова.

Пока она занималась на кухне, он вернулся в свой дом, быстро перекидал неразобранные вещи обратно в машину и перегнал её за обшитый выцветшими и облупившимися зелёными досками дом бабы Нины. Кэт готовила ужин и не заметила ни этого, ни того как он перенес свои вещи внутрь. Он постарался разместить их незаметно. Почему? Поверил ли он истории Кэт, или играл в эту игру он и сам не знал.

А поздним теплым вечером, когда они сидели на раскладных деревянных стульях на лужайке перед домом, он вспомнил, что едва не забыл выполнить своё обещание. Он убежал в дом, поискал бумагу, потом достал из сумки под диваном наполовину пустую коробку макарон барилла, неаккуратно оторвал половину крышки, вместе с которой порвалась боковина и несколько спиралек звонко высыпались на пол, достал из рюкзака ручку и на обратной стороне написал «нпумвессрнпннпгмрб», что значило "ну почему у меня всегда есть с собой ручка, но почти никогда нет никакого понятия где можно раздобыть бумагу".

Он вернулся к Кэт, положил руку ей на плечо и понял, что волнуется, что ему действительно будет тяжело сказать ей. Она сразу прижалась ухом к его руке, и он решил не оттягивать неизбежное. Протянул ей свою картонку.

— Кэт.

Она, похоже, почувствовала тяжесть его голоса.

— Вчера вечером, ты дала мне бумажку, и сказала, чтоб я её не смотрел, а сегодня дал тебе случайный текст, — его голос сбился

— То есть уже завтра?

Её голос задрожал: «теперь я понимаю, почему ты тогда сказал, что это словно узнать, что завтра умрёшь»

Как же он был благодарен, что она сразу всё поняла.

— Когда ты меня встретила я тоже давал тебе записку?

Она не ответила, и он вспомнил, что они договаривались больше ничего друг другу не рассказывать из будущего. То есть они когда-то потом договорятся, но она рассказала ему об этом вчера. Интересно, подумал он, мы действительно об этом договаривались, или я ей так же рассказал о договоренности, как о свершившемся факте? Но ведь тогда получается, что на самом деле мы не договаривались?

Он осознал, что её плечи трясутся и обнял её, и поцеловал в шею, потом в щёку, потом в губы и ещё и ещё, и увлёк её в дом, и они занялись любовью. В первый раз для него и в последний раз для неё.

Её бумажку он открыл только на следующее утро, и совсем не удивился, прочитав «нпумвессрнпннпгмрб».

— Любимый, тебе не кажется, что мы живём внутри фантастического рассказа?

— Типа Нолановского Довода?

— Например. Но если говорить о фильмах, то у нас что-то между Доводом и Пятьдесят первых свиданий с Дрю Бэрримор.

— Ха! Но в Доводе есть хоть попытка натянуть какие-то законы физики, а происходящее с нами – полная ерунда.

— В фантастике часто придумывают что-то невозможное. Бывает такой бред нагородят...

— А я люблю фантастику. Сам когда-то придумывал разные сюжеты. Только никогда не записывал их.

— Круто! — Кэт ограничилась одним этим возгласом, но её восхищенные глаза сказали больше слов. — Какое твоё любимое произведение про временные парадоксы или путешествия во времени? Может ты читал что-то похожее на наш случай?

— Пожалуй это не сложно. Война времён. Джу... Джей... Джой... никогда не запоминаю автора. Не читала?

— Расскажи.

— Ох. — Ник скривил губы и сморщил нос. — Это очень непросто. Это большой роман, и повествование ведётся в обратном направлении. Поэтому я его и вспомнил. После прочтения, мне захотелось перечитать, уже понимая, что происходит.

— И ты перечитал?

— По диагонали. Да. Иначе бы пазл не сложился.

— Тогда расскажи не как в романе, а в хронологическом порядке.

— Эээ... ну только не совсем в хронологическом. Там как... первый эпизод происходит в первое время, второй во второе, которое было задолго до первого. Следующий – опять в первое, а ещё следующий опять во второе, то есть хронологически раньше предыдущего. И каждый эпизод является причиной последующего. То есть если взять хронологический порядок и рассказать последовательно все эпизоды из второго, более раннего времени, потом все из первого, из будущего, то выйдет бессмыслица.

Кэт звонко шлёпнула его по бедру.

— Зануда! Ты меня запутал. Давай уже рассказывай, что там у них было.

— Я не буду рассказывать в хронологическом порядке. Для них, как для нас, само понятие хронологического порядка абсурдно. И не буду рассказывать в обратном порядке, как в книге. Скажу лишь, что каждый эпизод — это отдельная реальность, оторванная от других эпизодов. И каждый начинается с того, что люди оказывались в некоторой ситуации, осознавали, что что-то не так, что им надо что-то исправить. А что привело к реальности, описанной в этом эпизоде раскрывается следующим эпизодом. В книге следующим, а логически, как цепочка причин и следствий, конечно предыдущим.

Так получилось, что развязка, чем всё закончилось, открывается читателю уже в первой главе.

— Сейчас стукну! — Она изобразила гримасу, задуманную очень злой, но получившеюся скорее игривой.

— Короче. Это история противостояния прошлого и будущего через путешествия во времени и модификацию реальности. В будущем заметили, что мир изменился. Один персонаж сам находился в путешествии во времени, в глубоком-глубоком прошлом. Вышло, что изменение его не затронуло и не уничтожило. Что-то совпало, что-то наложилось. И вот он возвращается в своё время и оказывается совсем в другом мире. Он долго и упорно пытается объяснить это кому-нибудь, в результате получается разыскать и достучаться до какого-то учёного, потом они вместе пытаются достучаться до правителей. В конце им всё удастся, и начинается расследование. Но установить говорит этот персонаж правду или нет невозможно. Не получается. Мир, в котором он родился просто не существует. Все люди из него более не существуют. Нет объективных признаков, которые можно сравнить с их версией настоящего.

В результате они решают создать систему контроля целостности. Сохранить в прошлом слепок своего мира, и организовать периодическую сверку. Первый персонаж сильно страдает, осознавая, что никто не уничтожит свою реальность, чтобы он вернулся в свою.

Далее описывается как создаётся контроль неизменности. Это был эпизод, с которого по сути всё началось, а в книге...

— Он был последним, — радостно перебила его Кэт — верно?

— Да. Предпоследний эпизод книги начинается с того, что люди получают сообщение от неизвестной им системы контроля целостности: их мир отличается от слепка мира из последнего эпизода, но и не является миром, из которого прибыл персонаж первым заметивший модификацию.

Они понимают, что все, кто создал эту систему, всё человечество из предыдущей версии мира теперь не существует. Какая-то модификация уничтожила их всех. И им не хочется перестать существовать, не хочется, чтоб в какой-то момент действительностью стало то, что все они никогда не рождались. И они начинают своё расследование. На этот раз уже точно зная, что кто-то меняет реальность. В результате долгих поисков выясняется, что какие-то негодяи, для них негодяи, из отдалённого на тысячи лет прошлого модифицируют что-то там у себя, предотвращая войну или эпидемию и всё будущее перелопачивает.

В прошлое направляется команда с заданием выйти на контакт с модификаторами, и договориться с ними. Если не получится, то выяснить какое конкретно изменение создало их мир, и как только оно будет совершено уничтожить всех причастных. Они уверены, что с их технологиями, многократно превосходящими технологии прошлого, у них всё получится.

Далее начинается шпионский боевик. В финале они попадают в ловушку. Бежать удастся только одному. Драма, сопля, — Ник усмехнулся — всё как положено. Шестеро из команды во время побега погибают, остальных ловят. Единственный сбежавший понимает, что его время в заложниках у людей прошлого. Что узнав о планах людей будущего помешать им, они могут сделать с будущим что угодно. И он отыскивает какой-то местный аппарат для перемещения во времени, прорывается туда, едва не погибает, в последний момент вскакивает в него, отправляется ещё немного в прошлое и решает пожертвовать своим миром, своей семьёй, всеми кто ему дорог и уничтожить модификаторов в зародыше, отменив и изменение, создавшее его мир. Ради того, чтобы изменения, уничтожающие версии реальности, стирающие бесконечное число человеческих судеб, никогда не происходили.

Постепенно он внедряется в группу модификаторов, собирает информацию обо всех-всех причастных к проекту. Это занимает лет 15. Собрав информацию он снова перемещается в недалёкое прошлое, сталкиваясь с кучей

препятствий похищает всех, кого надо, собирает всю эту толпу в одном подвале и взрывает бомбу погибая сам.

Ты не устала? Может пройдемся?

И они пошли вдоль залива к ближнему лиственному лесу, а встретив крупный проток из множества впадающих в озеро, через который не смогли перебраться вброд и не найдя поваленного поперёк дерева, пошли вдоль него, вглубь леса. По пути он рассказал ей всё, что помнил. Все эпизоды книги.

Эпизод, как один из модификаторов в баре пробалтывается другу, тоже учёному, над чем работает. Как на следующий день он пропадает. Как друг начинает расследовать его исчезновение, полагая, что за этим стоит правительство. Как выясняет, что другие люди, которые как ему теперь кажется тоже могли заниматься этим же, также исчезли. Сопоставляет с громкими исчезновениями сразу нескольких политиков, решает, что вероятнее за всеми исчезновениями стоит не правительство, а некие враждебные силы. Замечает за собой слезку и в страхе решает сдаться самостоятельно, рассчитывая, что власти его защитят от неизвестных убийц, или хотя бы дадут скидку за явку с повинной, если они сами стоят за исчезновениями. Как узнав о своём проекте модификации, которого у них никогда не было, власти решают его повторить, и при этом создают некую систему контроля целостности, чтобы больше никто не смог сорвать их планы.

Эпизод в будущем, где опять новые люди узнали, что их версия мира как минимум четвёртая, и как третья версия пыталась остановить людей из прошлого. Как они отправились в прошлое и убили открывателей возможности перемещаться во времени.

Эпизод, как в прошлом сработала система защиты и восстановила теорию перемещений. Как люди поняли, что помешать их открытиям и их планам могли только из будущего. Отправились в рейд в будущее, чтобы помешать тем, кто помешал им. Ведь люди везде и во все времена считают, врагами всех, кто мешает.

И так до самой первой главы книги.

Когда Ник закончил рассказывать всё, что помнил о войне времён, Кэт задумчиво протянула: «Странно, что это не экранизировали. Можно было бы снимать по эпизодам, как Звёздные войны. Было бы эпично»

—Концовка получилась немного смазанной, но так как в книге она в первой главе, это меня не разочаровало.

Домой они шли молча, лишь изредка обмениваясь фразами навроде: «смотри, какое красивое дерево» или «осторожно, колючки»

Имеет ли смысл описывать как жили Ник и Кэт, как проходило их время? Пожалуй, каждый кто любил, и особенно тот, кто любит деревню, природу, кому в радость хотя бы на недельку вырваться из города в тишину, спокойствие, уединение и бесконечные просторы деревенской жизни, сам с лёгкостью представит, как наша парочка безмятежно наслаждалась друг другом. Да и не в этом я вижу свою цель. А в том, чтобы, не затягивая повествование, рассказать самую суть их истории. Поэтому не будем слишком уж пристально следить за нашими героями, дадим им побольше времени оставаться наедине. Тем более, что не так уж у них его и много.

До тех же, кто не может ни дня провести без водопровода, кондиционера, кино или сериала, новостных каналов, уютных кафе и шумных баров, запаха машин из открытых окон которых доносится разная музыка, маникюрных салонов с непринуждённой болтовней обо всём подряд со своим мастером, вечерних огней и всего прочего, за что мы любим город, мне в любом случае будет непросто донести идиллию, в которую погрузились Ник и Кэт. Главное, что они были влюблены, что их любовь находилась в самой воздушной, самой романтической стадии. И ничего их не отвлекало, никто их не тревожил, ничего от них не хотел и не требовал. Они были полностью свободны. В их распоряжении были широкие луга, полнящиеся щебетанием всяческих жаворонков. Тенистые хвойные леса, где дышалось просто невероятно и голова едва не кружилась от переизбытка кислорода и то тут то там встречались

мрачные великаны с такими толстыми стволами, что никакому ветру не под силу раскачать.

Дикие цветы, буйные мхи десятка разновидностей, яркие лишайники, облепившие суровые валуны на холмах – всё приводило их в восторг. Они ходили гулять по кладбищу, рассматривали старинные заросшие могилы, читали надписи на памятниках. Более же всего, они любили кататься на лодке. Обычно – недолгие прогулки на два-три часа. Они обходили по периметру первый залив, который всегда назывался озером. Пересекали его поперёк, иногда прямо насквозь травянистого острова. Несколько раз заплывали в лесные протоки. Некоторые были широкие и полноводные, но и там иногда русло было едва на десять сантиметров шире их лодки. В некоторых же лодка быстро начинала чиркать дном и в конце концов совсем вставала, заставляя развернуться и искать другой путь.

Поднимались вверх по течению Сухой, правда недалеко. А как-то ушли далеко вниз, через первый залив, через всю открытую воду второго, до самого водохранилища, и заночевали прямо там, на уютном песчаном пляже, со всех сторон окруженном кустарниками и деревьями.

— Когда я был маленьким, я катал здесь одну маленькую девочку, но я её совсем не помню. Она была младше меня, значит ей было года четыре. Могла это быть ты?

— Не помню, чтобы меня катал на лодке чужой мальчик. Но я была здесь примерно в таком возрасте, да и ты как раз на два года старше меня.

Они задумчиво помолчали, думая об одном и том же.

— Помню, как тайком от родителей, с каким-то мальчишкой купались в самом начале озера, там, на краю деревни, где оно переходит в чахлую речушку. Он так смело сигал с высокого берега! А потом взрослые снимали с нас пиявок, которых мы не смогли отодрать самостоятельно. Прижигали их огнём.

И всё же думать, что их дни от края до края были заполнены одним только блаженством – ошибочно. Однажды вечером, Кэт не могла его найти. Обыскала весь их дом. Прошла туда и обратно по деревне. Звала. Но в тот день поднялся злой сильный ветер и не стихал до самого утра. Тысячи и тысячи острых гребней ощетинили озеро до горизонта. Шум серых волн, беспощадно, не жалея себя разбивающихся о берег в пенном самоубийстве, будто любой ценой вознамерившихся стереть деревню с лица земли, заглушал все крики. А те, что остались, ветер быстро уносил вдаль. Туда, прочь, в сумерки и пустоту.

Она обнаружила Ника в дальней комнате его дома. Он сидел во тьме, не моргая и, казалось, не дыша, уставившись во мрак угла с иконой.

— Ник! — сначала шепотом, потом во весь голос — НИИИК!

Не реагирует. Она подумала, что он не похож на живого человека. Перед ней сидела восковая кукла из старого дома-музея, где уже сто лет никто не шевелился, кроме пауков, заполняющих всё своими паутинами. Внизу живота вспыхнул парализующий стылый ужас, но ледяной ком сразу начал подтаивать, и она нашла силы наклониться к нему, не глядя в стеклянные глаза, и изо всех сил затрясти за плечи.

— Я задумался?

— Да, я, я... — её губы затряслись — где ты был? Откуда столько пустоты в твоих глазах?

— Мак...

— Тот парень?

— Я рассказывал тебе о нём?

— Да.

— Я бы хотел забыть об этом, но иногда это сильнее. Эти воспоминания отравляют меня. Но они часть меня. Я не могу их отрезать.

Ловушка, в которую они попали, страшила их, хоть обыкновенно они и не думали об этом. Что нас пугает больше всего? Неизвестность. Мы боимся темноты не потому, что она опасна, а потому, что не знаем, что в ней. Не существует на свете такого зла, которое страшнее несуществующего, но неизвестного монстра, таящегося под кроватью. Наши страхи, наши фантазии – вот самый удушливый ужас на свете. Неправда, что дьявола сопровождает особая атмосфера. Чёрные деревья и стальные бараки под красными облаками? Выщербленные продуваемым ветром и обесцвеченные закладным дождём доски вместо стен? Наш мозг, взращенный кино и играми, рисует такие декорации. В это время настоящий дьявол живёт в панельной многоэтажке и ездит с вами на работу в одном автобусе. Настоящего, видимого дьявола не боишься. Он вызывает безразличие или максимум брезгливость. А в обеденный перерыв он идёт в детский садик номер девятнадцать, проходит во вторую группу и кухонным ножом перерезает горло случайному спящему шестилетнему мальчику.

Как его бояться? До этого случая он абсолютно заурядный человек. Как миллионы и миллионы других. Как мой парикмахер или продавец, у которого вы вчера купили хлеб. Откуда можно знать, что завтра у него в голове раздастся щелчок? А после что его бояться? Он в тюрьме. Больше никому не принесёт вреда. Никому. Больше. Кому-то проломит череп камнем другой дядя Миша, которого все считают отличным мужиком, простым, нормальным работягой. Неопределённость страшит нас больше.

Ни Ник ни Кэт не знали, что будет с ними. Как они выберутся из этого водоворота. Что будет, если просто взять и уехать из деревни. Он знал сколько ей осталось времени вместе с ним, она – наоборот. Но он не знал, что было с ней до расставания, что её ждёт дальше. Пересказанные ею его же слова его страшили.

Ник предложил рассказать друг другу всё, что знают. Но что в том толку? Что это даст, кроме знания даты конца? Это лишь помешает прожить им что суждено.

— Ник, нет, умоляю тебя. Мы уже пробовали и было очень страшно. Никогда, прошу. Пожалуйста, давай не будем вмешиваться в течение событий.

Однажды он предложил провести день не так, как она помнит. Предложил уехать вместе, прочь, как можно далее от этой аномалии, чтобы она перестала их затягивать. Может пока они завязли не слишком глубоко и сумеют вырваться?

— Нет.

— Нет — тук — Нет — тук — Нет — тук. Каждое нет он отстукивал пальцами по столу. — Почему нет, Кэт?

— Тебе плохо здесь со мной?

— Что ты такое говоришь, дурочка? — Он взял её лицо в ладони и поцеловал в губы.

— Значит решено.

Он отстранился и подошел к окну. Вены на его висках набухли и пульсировали.

— Почему ты постоянно меня отговариваешь? Почему останавливаешь все мои попытки вырваться отсюда? Ты что-то знаешь? — Его голос сорвался на крик — ты знаешь, что за чертовщина здесь происходит и не говоришь мне? Ты считаешь, что защищаешь меня? — Ник опёрся двумя руками на стол и кричал в метре от её лица.

Кэт вскочила и быстрым шагом пошла к двери, где, обернувшись, сказала: «почему ты на меня кричишь? Никогда! Слышишь, никогда не кричи на меня. Понятно? Ты понял меня? Я тоже не знаю, что происходит. И... всё»

Она ушла. Не в силах пойти за ней, он так и стоял, опершись на стол, и ему было стыдно за её глаза, наполненные слезами.

Через полчаса она сама подошла к нему и отстраненно, нехотя проговорила: «Хорошо. Я кое-что поняла. Если это так важно для тебя — поехали». И вышла на улицу с выражением лица, отрезавшим разговор, как закрытый кран перекрывает струю воды.

Собираться они не стали. Взяли только документы с банковскими картами и воду в дорогу.

Он выгнал ауди из-за дома, она села рядом, прямо как была в розовых шлёпанцах и шортах длинной заслуживающих называться скорее трусиками.

Хлопнула дверью и махнула рукой в лобовое стекло. Ник подумал, что мог и не глушить двигатель. Повернул ключ и нажал педаль до упора. Мотор взрычал, передние колёса выбросили из-под себя мелкие камушки, забарабанившие по днищу, и машина, вырвав на полосу земли, когда-то бывшую подъездной дорогой, поехала вдоль озера, через всю деревню. От дальнего конца, где на низком берегу вторым с края стоял зелёный дом бабы Нины и за домами начинался лес, полный протоков, по которым они ходили на вёслах. Туда, в самое начало, где домов было больше, они стояли уже не в один, а в три ряда вдоль берега, куда более высокого. Где ближе к выезду стоял тёмный дом бабушки Ника. Они проехали через луг, упершись в сосновый лес повернули на просёлочную дорогу и понеслись прочь, не жалея подвеску, там и тут стучавшую на ямах и колдобинах.

В первый раз этот участок занял два часа. Обрато – сорок минут. Грунтовка примыкала к полноценной дороге в глухом лесу. Они выехали на асфальтированный съезд. Ник остановился на мгновение у ржавого выцветшего знака и повернул не на север, к дому, а на юг. Местами асфальт был хуже грунтовки, но Ник гнал сто шестьдесят километров в час, а когда мог – быстрее. Кэт старалась смотреть вперёд. Если повернуть голову в боковое стекло тёмные стволы мелькали слишком часто, сливаясь в сплошной поток, от которого кружилась голова. На четвёртом перекрёстке Ник свернул по указателю на большой город. Асфальт стал лучше, но кроме них на дороге по-прежнему никого не было. И никаких признаков людей вокруг. Ни жилья. Ни автобусных остановок. Даже пасущихся коров. Только леса и сменяющие их пустые поля. Они думали об одном и том же. Кэт, наконец, прервала молчание.

— Мне страшно. Где все? Где кто-нибудь?

У Ника уже давно низ живота наполнило тяжелое, мерзкое ощущение, верный спутник дурного предчувствия, но он наигранно бодро ответил.

— Всё Ок. Мы в глуши. Здесь всегда так.

Кэт почувствовала фальшь, но смолчала. Шоссе уже давно шло вверх и оба они, опять не сговариваясь надеялись, что достигнув верхней точки увидят признаки цивилизации.

— Оох, — выдохнула Кэт.

Нику пришло совсем другое слово, но он не выпустил его наружу. С перевала, на сколько хватало глаз, открывался бескрайний безлюдный пейзаж. До самого горизонта, от края до края не было ничего кроме травы и деревьев. Деревья и трава. И над всей этой бесконечностью мирно пролетали беспечные облака.

Живот Ника скрутило так, что он подумал остановиться и опустошить кишечник, но решил просто попить воды. Потянулся за бутылкой, но не нащупал её. Посмотрел – бутылки нет. Может под сумкой с документами? Он отодвинул сумку и салон автомобиля заполнился оглушающим визгом. Ник успел подумать, что они, наверное, сейчас слетят с дороги и на такой скорости это верная смерть, но они не могли умереть сегодня, ведь Кэт явно знает его не первый день, значит они познакомились как минимум завтра, значит сегодня они не умрут. Но что если она была права, и им нельзя было мешать их судьбе, и теперь она наказывает их за побег, наказывает смертью?

Но машина находилась в своей полосе. Зато прямо перед ними навстречу летел выдавший виды Фольксваген Пассат. Визг не прекращался. Казалось, в их маленьком помещении его становилось больше и больше, он стал густым, невыносимым. Ник ударил по тормозам. Зад бросило в сторону, машина завалила. Кэт закрыла глаза руками и умолкла, но её визг продолжал звенеть. Дуэтом к нему завизжали покрышки. Нику казалось, что вот-вот Ауди сорвётся и начнёт кувыркаться через бок, и остановится, только размолот всё внутри. И никакие подушки их не спасут. Но в конце концов они замерли поперёк дороги.

— Я, я, — заикалась Кэт, — я не видела откуда он появился. И ты. Ты не смотрел на дорогу. И он. Я не видела есть ли там кто-нибудь внутри. Я имею в виду человек. Есть ли там внутри человек. Может там внутри не человек? Может же такое быть, Ник? — И немного успокоившись — С какой скоростью мы ехали?

Первой мыслью было соврать, что двести, но это было глупо.

— Двести двадцать.

— Значит если он ехал сто двадцать – сто тридцать километров, значит мы сближались на трёхсот пятидесяти километрах в час?

Ник пожал плечами.

— Откуда он взялся?

— Так иногда бывает. Особенности рельефа местности. Впереди длинный спуск, и если он не равномерный, а чаще всего так и бывает, то он мог скрыться от нас во впадине.

Он подумал, что надо бы побыстрее убрать машину с середины дороги, но его не отпускала одна мысль.

— Скажи. Что ты поняла?

— Что?

— Ты не хотела ехать. Но потом ты пришла, сказала, что кое-что поняла и согласилась. Тогда я подумал, что ты поняла насколько мне важно хотя бы попытаться вытащить нас. Но ты же поняла не это. — В его голосе не было вопроса. — Так что?

— Договор, — напомнила она.

— Это важно. Сейчас. Важнее.

— Это не важно.

— Скажи. Я сам решу важно или нет.

— Это не важно, — сказала она со спокойным вздохом, который мог убедить Ника, что белые медведи живут на южном полюсе, а Антарктида находится на северном.

— Завтра ты поймешь. Как только увидишь меня, ты поймешь. Первые же мои слова объяснят, почему я должна была отпустить тебя.

— Нас.

— Да, нас. Я имею в виду согласиться с тобой.

Ник отвернулся, чтобы развернуть машину, но Кэт успела увидеть безнадёгу, мелькнувшую в его глазах. Впрочем, может быть ей показалось. Может быть он и не догадался.

Они ехали весь день. Теперь им попадались другие автомобили. Населённые пункты, города. Они останавливались на заправках. Обедали в Кинг авто. Ник ненавидел Макдак и считал их еду безвкусным картоном. Общались лицом к лицу с двумя заправщиками и двумя сотрудниками Кинга, но их не

покидало ощущение, что общение не настоящее, словно через невидимую плёнку, словно эти люди не живые. Но вероятно, встретившиеся им сотрудники просто говорили по утверждённым своими корпорациями скриптам.

Они ехали ночь, которая всё не кончалась. Он знал, что так и будет, ведь они уже пытались не спать до следующего дня. И тогда им казалось, что прошло уже несколько дней, а ночь всё не кончалась. И они не знали сколько времени.

— Ну почему я не взял мобильник? Это безрассудно. Глупо. Глупо. Чем я думал? Если бы со мной что-то случилось, как бы я вызвал помощь? Можно же было взять его и просто выключить, если для меня так важно разорвать все контакты на время летнего перерыва.

Ник сам знал, что это неправда. Знал, что ему очень важно не иметь даже потенциальной возможности включить телефон.

— Это бы не помогло, — успокоила тогда Кэт. — Я точно брала свой. Уже сто раз перебрала все вещи. Он просто исчез. Видимо, здесь не может быть мобильного.

— Чтобы мы не могли посмотреть время?

— И не знали какой день. Здесь не существует дат.

Вот и сейчас. Они гнали по магистрали на юг, рядом было полно машин, ночь не кончалась, они сжигали один бак бензина за другим и никакого времени не было. Оно не шло вперёд. Застыло. Заблудилось в лёгкой тени, которую давал мягкий лунный свет.

Последние пару часов Кэт норовила заснуть. Ник ей не давал. Но вот и он сдался. Они остановились у маленьких, едва не игрушечных домиков со светящейся зелёным надписью «ночлег». На вялых ногах пошли к конуре с красной табличкой, на которой белыми буквами было написано «администрация». Долго стучали.

В конце концов оттуда вылез всклокоченный седой дед в клетчатой рубашке, который то ли не слышал, то ли не понимал спросонья или от старости ни одного их вопроса, но назвал им цену и дал ключ, с массивным деревянным брелком с выжженной цифрой 4.

Они зашли в четвёртый домик, не раздеваясь упали на кровать и провалились в сон.

Утром Ник проснулся один. Её подушка была нетронута, как и простыня на её половине. Он побежал в администрацию, но и старика там не обнаружил. Вместо него, за стойкой расположилась пышногрудая девица, выдувающая и лопающая розовые пузыри жевательной резинки. Смена старпёра кончилась. С шести утра она тут вкалывает. Нет, она не в курсе, один он пригнал или нет. И вааще, слишком много вопросов. Ей вааще-т не доплачивают за работу справочным бюро. Нет, картой доплатить не получится, да ей и вправду невдомёк с кем он прикатил сюда свои яйца. Если его интересуют девочки, она может организовать. Такое дельце она обтяпает на раз. Она лопнула очередной пузырь, наклонила голову и вызывающе посмотрела на него из-под круглых наращённых ресниц.

Хотя обратно Ник выехал с самого рассвета, в деревню он вернулся глубокой ночью, и нашёл её сидящей на крыльце, залитом светом полной луны. С красными от высохших слёз глазами.

Она повисла на его шее и влажными губами прошептала в ухо: «Я весь день не могла тебя найти. Я проснулась одна, а тебя нет. Я знала, что не выдумала тебя, не сошла с ума. Твои вещи тут. А ты исчез. Я не знала, что думать». И они долго стояли в обнимку, и её белое платье колыхалось тёплым летним ветерком. Он понял, почему она его отпустила, и думал, каково это – заснуть в мотеле в двух тысячах километров на юг, а проснуться здесь. Он никогда этого не узнает, ведь она так проснётся позавчера и никогда ему не расскажет. Как у неё хватило выдержки не рассказать?

Внимание! Это та самая точка принятия решения. Вы прочитали достаточно, чтобы понять: стоит эта история чего-то или нет.

Если нет — бросайте прямо сейчас. Не растрачивайте своё время на то, что ничего не стоит. Жизнь слишком коротка.

Критерий понравилось или нет простой и однозначный. Это не оценочное суждение. Если вы решите читать дальше — значит понравилось.

Фактом чтения ниже этой точки вы принимаете и подтверждаете обязательство оплатить эту историю на [FWbooks.ru/#pay](https://fwbooks.ru/#pay) Если вы не готовы угостить меня пивом, а именно на такую оплату я претендую — вынужден потребовать прекратить чтение. Верю, что вы не будете меня обманывать, сделаете выбор и последуете ему.

А если вдруг кто-то планирует читать дальше не заплатив, так как не считает, что пиратство — плохо, то посмотрите 59-секундный ролик из шикарного сериала, и он изменит ваше мнение: [FWbooks.ru/WhereIsMyFalcon](https://fwbooks.ru/WhereIsMyFalcon)

— Надо было хоть бухлишка вчера захватить, — хотел сказать он, но вовремя остановился.

Их жизнь потекла далее, своим чередом, по установленному руслу. Побега будто и не было. Они нежились на солнышке, умиротворённо наслаждались природой, общением и телами друг друга.

— Когда ты понял, что ты талантливый?

— Ты о чём?

Они расположились пообедать, расстелив полосатое покрывало по мягкой траве над самым берегом.

— Твои рассказы.

— Да? — Конечно ему было приятно, но одновременно и обидно. — Думал ты про работу. А рассказы... если честно никогда к ним серьёзно не относился. Мне кажется у каждого в голове водятся подобные фантазии.

Он оторвал под корень высокую травинку, извлёк сочный стебель из нижнего узла, и принялся его жевать.

— У меня никогда. — Она достала две больших плоских тарелки и выложила рядом по вилке. — А про работу ты не рассказывал. Как Вы заработали свой первый миллион? — игриво спросила она, протянув к нему отломленный одуванчик вместо микрофона.

— Вообще-то четырнадцать, милочка. Я смотрю Вы не слишком-то хорошо подготовились, — нахмурил брови Ник, прикидываясь недовольным дельцом, — в наше время в журналисты берут кого попало — он изобразил старческое брюзжание.

— Ой, только не жалуйтесь моему боссу, — притворно залепетала она, — он не хотел давать мне это интервью, еле упростила.

— Ну тогда так и быть, слушайте. На заре игр для смартфонов, мой однокашник и хороший приятель как раз был разработом. Компания, где он работал еле держалась на плаву. Они делали всякие мобильные гороскопы, пасьянсы и прочую муру. Продуктов было много, но ни один так и не выстрелил. Их программы были бесплатными, весь доход приходился на показ рекламных роликов. Мой друг принимал участие в разработке одной стрелялки и как-то раз заставил меня скачать её, чтобы похвастаться какой-то своей идеей для фоновой анимации. Когда я её запустил, ко мне и пришла в голову гениальная идея.

— Какая?

— Девочка моя, спокойно, я сейчас всё расскажу. Знаете, там перед каждым уровнем бывает экран загрузки. Игроки не представляют, что и куда загружается, но терпеливо ждут. Игра-то бесплатная. Они пробовали ставить туда рекламу, но пользователей она раздражала, и они удаляли игру. В целом, показов больше не становилось. Так вот. Буквально за два дня, мы вдвоём написали софт, который показывает рекламу в фоновой анимации и встроили эти показы на экран загрузки так, что пользователь ничего не видел и терпеливо ждал, а рекламодатель был уверен, что он смотрит рекламу!

— Но это же...

— Не перебивайте! — Не выходил из образа Ник. — На чём я, кхе-кхе, остановился? Ах да. Мы встроили наш код в ту самую стрелялку. Конечно не в каждый переход к новому уровню. Мы добавили один показ скрытой рекламы на три обычных. Рекламодатели платили, ничего не замечали. Тогда-то мы и пустились в авантюру.

Мы купили готовую фирму, зарегистрированную на подставных лиц и выкупили на неё по дешевке права на кучу не очень популярных приложений. Если короче — нас накрыли через пять месяцев, но к тому времени я успел заработать четырнадцать миллионов чистого дохода. Приятель около двадцатки. Затем вложил деньги в IT. Оказался неплохим менеджером, быстро ловил тренды. Но это уже не так интересно.

— Кроме шуток, я помню тот момент, когда решил, что я гениальный, — сказал Ник, неожиданно выйдя из образа. — Ещё совсем ребёнком.

— Да?

— Это очень глупо.

— Интересно.

— Я придумал шутку. Вопрос для викторины.

— Какой?

— Не важно. Для любой телевикторины.

— Какой вопрос?

— Нуу... Я же был мелким глупым пацаном со спермотоксикозом.

— И что?

— Ладно. Скажу. Но мне стыдно. В том числе потому, что это не смешно. Нужно отгадать из какой игры фраза. Ведущий произносит отрывок из компьютерной игры, потом говорит название двух игр и нужно угадать.

— И в чём шутка?

— Я говорил, что был мелким и глупым?

Кэт кивнула.

— Ведущий произносит: «поздравляю, вы вылечили киску» и нужно угадать это слова из симулятора ветеринара или симулятора гинеколога.

Кэт промолчала.

— Нет, правда. Я был уверен, что придумал шутку, смешнее, чем у всех комиков, крутившихся тогда по ящику. Чёрт, зачем я тебе это рассказал?

Она легко рассмеялась.

— Я не понимаю, как мы не сходим с ума? Мы живём в чём-то нереальном. Так не бывает, а мы просто живём. А может давно сошли? Может мы как ДиКаприо в Острове проклятых? Давно потеряли рассудок, и кто-то или что-то поместило нас сюда и наблюдает за своим экспериментом.

— Человек ко всему привыкает. К хорошему, и к ужасному. Самое страшное, что человек может себе представить, в какой-то момент перестает быть проблемой. Иногда за минуту.

Кэт посмотрела на него, и снова увидела этот пугающий стеклянный взгляд проникающий куда-то мимо.

— О чем ты говоришь?

— Тот парень, Мак. Я тебе рассказывал?

— Нет. — От его интонаций внутри неё начал клубиться холодок

— в прошлый раз ты сказала, что рассказывал. Значит я рассказал тебе сегодня. Должен рассказать, чтобы ничего не сбилось. Но я не хочу. Очень.

Она молчала, одновременно боясь услышать то, о чём он не хочет говорить, и не услышать то, что в её будущем было им рассказано. Если он сейчас не сделает что сделал, это будет другая реальность. Их хрупкая система разорвется, и кто знает, что будет.

Ник закрыл глаза. Его голос зазвучал будто издалека. Приглушенно, будто он говорит из шкафа, или какого-то деревянного ящика.

— После смерти родителей, я на несколько месяцев попал в детский дом. Меня никто серьезно не трогал, но я сразу почувствовал, что это жестокая среда. Но даже не предполагал насколько. Меня поселили в комнату к Маку. Худой, болезненно сутулый очкарик с кривыми пальцами и тонкими, постоянно торчащими в разные стороны короткими бледно-желтыми волосами. Родители от него отказались сразу. У него был ДЦП или что-то вроде того. Ему было сложно говорить, он больше мычал. Правая нога, сантиметров на пять короче левой, не доставляла ему больших неудобств. Если было надо, он мог даже бегать, точнее

сказать скакать. А вот руки со скрюченными пальцами слушались хуже. Может если бы с ним больше занимались. Специальные упражнения, гимнастика... Не минимум, прописанный в рекомендациях Минздрава, не на отвали... Но всем было на него наплевать. Кому он был нужен?

Ник снова застыл, задумчиво смотря в бесконечность.

— То, что с ним сделали ужасно. Я не понимаю, зачем тебе это знать. Ты можешь меня возненавидеть. А, нет же. Не возненавидела. Хотя должна была.

С ясного, почти без единого облачка неба их кожу обволакивал жар яркого солнца, но ей было холодно.

— Я уже не помню зачем. На что-то они взъелись. Что-то им не разрешили, может наказали. Сотрудники не были отморозками. Они никого не мучали, не издевались. Им ПРИХОДИЛОСЬ быть жесткими с этими детьми. Не жестокими. Жестокости не было. Администрация, ни один из них не получал удовольствия от своей власти. Но эта банда...

— Кто?

— Дети. Колено, Тактак, Глист. Не знаю, чего было больше, остальные искренне были заодно с ними или только боялись. Но меня Тактак обещал избить до полусмерти и оставить инвалидом, если я хотя бы заикнусь, что не слишком хочу участвовать. А если вякну, даже в шутку, что не буду, я до сих пор помню каждое его слово, он сказал, что отрежет мне правое яйцо большим ножом с кухни, сварит его, и заставит сожрать, и только после этого отпустит в медпункт, если я, конечно, к тому времени ещё не сдохну. И я верил. Как и тот пацан, не помню его имени, который поздно вечером, совсем без одежды прошмыгнул в душевую, когда там был только один из санитаров. Я не помню имён ни этого бедолаги, ни того пацана. Так вот, он встал перед ним на колени, взял его член в рот, и прежде, чем тот успел что-то сообразить, принялся яростно ему отсасывать.

— Фу, — сморщила нос Кэт, Нику показалось, с облегчением. Он подумал может стоит остановиться? Может сделать вид, что это вся история, что они просто заставили мальчишку сделать минет мужику в душе. Но не мог. Он чувствовал, что должен был рассказать всю правду до конца. Должен, наконец,

высказаться. Признаться в том, что он никому никогда не рассказывал. Выпустить то, что чёрной слизью обитало у него внутри всю жизнь.

— Доделав своё дело, мелкий прибежал в комнату и сплюнул сперму в банку.

— Зачем? — Удивлённо прошептала Кэт.

— Не перебивай. Пожалуйста. Мне и так. Сложно. Ник хотел посмотреть на неё, увидеть в её глазах поддержку, но не мог. В горле стоял ком.

Они пришли. В нашу комнату. Пришли за Маком. Стащили. Они стащили его с кровати и начали избивать. Они били его не голыми руками. Их руки были замотаны, чтобы не осталось следов. И палками. Они его избивали, а он не сопротивлялся. Только мычал: «эт, эээт, э хадо». Он бросил на меня взгляд с мольбой о помощи, но я лишь натянул одеяло на голову. Я помню этот взгляд, Кэт. Я помню.

На последнем слове его голос задрожал. В носоглотке засвербило. Накопилась слюна. У него не получалось её сглотнуть, не получалось сделать вдох. Кэт принялась гладить его чёрные волосы и Ник разрыдался. Он не помнил, когда плакал в последний раз, но сейчас, когда эта история выходила из него, выходили и слёзы.

— Я всё прочёл. Я часто не мог понять что он мычит, но в этом взгляде я прочёл всё. Что ему было очень страшно. Что он боялся сопротивляться, боялся разозлить их ещё больше. Что я, новичок, был его единственной надеждой. Он молил меня взглядом даже не вступить за него. Он молил, чтобы я попросил их остановиться. Но я лишь спрятался под одеяло, Кэт. Впрочем, Тактак сдёрнул его с меня, крикнув: «смотри!»

Они с Глистом стянули с Мака трусы, разорвали его майку и наклонили, голого, поперёк кровати. Они раздвинули его ноги, а Колено снял штаны, под которыми у него ничего не было, и тогда я догадался, за что его называли Колено. Может его пенис были не до колена, но я клянусь тебе, это был огромный шланг.

Мак понял, что с ним будет, и заревел, как раненый олень. В его рёве, Кэт, в его рёве я услышал, что он был готов, чтобы его продолжали бить. Он был готов, чтобы его били каждый день, лишь бы этот длинный член не оказался в его заднице.

Он ревел и вырывался изо всех сил, но их было недостаточно, чтобы стряхнуть с себя Тактака и жирдяя Глиста. Колено лишь усмехнулся и затолкал Маку в рот тряпку. Он подрочил, чтобы у него встал, натянул презерватив и засунул член в ту самую банку.

Кэт от ужаса закрыла рот обеими руками.

— Я не знаю сколько он его трахал, но он делал это жёстко, с остервенением. Мак ревел сквозь тряпку. Ревел и ревел до тех пор, пока колено не просипел: «давай» и Тактак, перестав держать Мака, не забежал спереди и не начал его душить. И Мак понял, что это не игра. Понял, что его убивают. Не знаю, откуда я это узнал, но клянусь тебе, он понял. И когда он это понял, он был готов, чтобы его трахали. Лишь бы не убивали. Я это почувствовал.

Поэтому я знаю, что человек может привыкнуть и примириться ко всему.

Ник замолчал, может на пять, может на десять минут, вновь превратившись в восковую фигуру.

— Моя роль была сбежать на улицу и сказать первому попавшемуся прохожему, что надзиратель делает что-то плохое с моим другом. Заставить его вызвать милицию. Мне не пришлось упрашивать. Меня била дрожь. На моих глазах творилось такое... На моих глазах замучили и убили человека. Наверное, мой вид был убедительнее слов. Почему я не сказал правду? Почему я не предупредил воспитателей? Кэт? Почему я потом не рассказал следователям, как всё было на самом деле? Я же мог, Кэт! Мог? Мне же ничего не грозило. Я боялся, что меня накажут, что я их не остановил, что не предупредил, что помог. Но я должен был сказать правду, Кэт. Должен. Я плачу слишком дорого, за то, что струсил. Ты первая, кому я...

И он опять зарыдал, и с этими слезами выходила невидимая тёмная слизь. Кэт обняла его за талию, склонила голову на его плечо.

— Ты был всего лишь ребёнком. Маленьким мальчиком.

— Двенадцать. Это не так уж мало.

— Не требуй с себя многого. Если бы они думали, что ты мог их сдать, тебя бы не взяли в дело. Вы потом когда-нибудь встречались?

— Нет. Только на суде. Да один раз столкнулся с Тактаком, выходя от следователя. Он подмигнул мне, и сказал на ухо: «я же сказал, что урою этих казлов. Я сказал»

Потом, когда нескольких сотрудников во главе с директором, тех, на которых дети указали как на неоднократных насильников, посадили, а сам детдом закрыли, нас распределили по разным заведениям. Как иначе? Такой скандал. В детском доме годами насиловали малолетних подопечных! Просто подарок для современных СМИ. Слабые возражения невиновных никого не интересовали. Так что потом я никого из них я не видел.

Знаешь, что я думаю? — Добавил Ник — Они выбрали Мака не потому, что он слабый. Это ведь какая-то извращенная гуманность с их стороны. Они выбрали Мака, решив, что его жизнь это... что будет только лучше, если они её отберут. Я ненавижу и их и себя за эту мысль.

Сразу хочу попросить прощения у чувствительного читателя, которому было сложно читать предыдущую главу, как мне было сложно её писать. С одной стороны, кажется необязательным пересказывать этот тяжелый, в первую очередь для Ника момент. Кажется, что его можно смело выкинуть из этого рассказа. Что он только искажает историю. Из-за него можно ошибочно подумать, что это лето было наполнено драмой, хотя на самом деле драматичными были ровно два дня и ни часом больше. День, когда Ник пытался сбежать, и когда он, наконец, рассказал Кэт про Мака. Всего лишь два дня из длинной череды лёгких, томных, счастливых дней. Но что-то заставляет меня так подробно описать именно эти два дня. Не могу вымарать предыдущую главу. Почему-то, этот эпизод кажется мне важным для обоих ребят. Я прошу читателя поверить мне, что у них всё было хорошо. Вы может быть слышали фразу: все счастливые пары счастливы одинаково, а каждая несчастная несчастна по-своему. Так же и с этой историей. Я не могу подобрать достаточно разных слов, чтобы описать каждый сладостный день нашей парочки. Так проходил день за днём, неделя за неделей. И из этих дней сложилось самое счастливое лето для

каждого из них. Непростым же дням посвящено больше внимания в моём рассказе лишь потому, что это были особенные, уникальные дня. Никак не обычные.

Кэт голышом лежала на корме, опустив правую руку в прозрачную воду. Ник сидел на вёслах. Впрочем, с той поры, как они отплыли от желтых кувшинок, он не сделал ни одного взмаха. Эта часть озера была далеко от мощного течения Сухой и день выдался совершенно безветренный. Лодка медленно поворачивалась, почти не смещаясь в сторону.

Ник поднял вёсла из воды. С них вниз побежали капли. Утреннее солнце ещё не жарило.

— Осторожно, — сказал он, чтобы Кэт подвинула ногу, и он смог убрать весло на борт.

— Тебе нравятся мои рассказы, но я их не помню. И то, что я придумываю это скорее сюжеты. Фабулы для сценария.

— Значит ты сейчас придумываешь что-то новое и расскажешь мне.

— Это не происходит по заказу. История просто возникает. Я их не выдумывал.

— А ты попробуй.

— Вообще-то я помню один сюжет. Я бы снял фильм. К тому времени я должен был стать знаменитым, чтобы зрители пошли на это кино. Это была бы моя последняя, прощальная работа. В день премьеры я бы уехал в глухое местечко в далёкой-далёкой стране и провёл бы остаток своих дней в уединении. Важно, чтобы премьера состоялась одновременно по всему миру. И только один день. В кинотеатрах, в интернете. На следующий день это не имело бы смысла. Ненавижу спойлеры. Поэтому, я бы объявил, что это мой последний и самый главный фильм, но посмотреть его можно будет только в один день.

И вот, представь, люди планируют поход, готовятся, одеваются, приходят в кинотеатр. Некоторые покупают попкорн. Сначала реклама, куда без неё. Потом анонсы. XX век FOX представляет! Пармаунт пикчерз, Дисней. Вот, наконец, начинается он. Мой фильм.

Обязательно надпись: основано на реальных событиях. Это в то же время и неправда, никакой конкретной истории в основу фильма не легло. И правда, ведь то, что я хочу показать случается сплошь и рядом. И в буквальном смысле, и в иносказательном.

Герой – сначала талантливый мальчик. Это показывается минут пять. Вот он уже юноша, которому прочат большое будущее. Ещё минут десять – пятнадцать. Вот его сбивает машина. Экран темнеет. Какое-то время в центре экрана то появляется, то исчезает светлое пятно. Появляется писк. Мы понимаем, что он внутри скорой. Писк пропадает. Экран тёмный. Проходит минута и темноту экрана сменяет шум. Ну, знаешь, телевизионный шум, рябь, хаотичные чёрные и белые точки, как мы видим глубокой ночью, когда уже ничего не транслируют.

Мне интересно, когда люди начнут вставать и уходить. Но я никогда этого не узнаю. Фильм двухчасовой, значит остаётся сто минут шума. Кто-то встаёт через минуту, кто-то только через пять минут понимает, что это всё, трагическая случайность вместе с жизнью главного героя оборвала и фильм. Кто-то сидит дольше, верит, что я заготовил сюрприз. Но время идёт, а сюрприза всё нет. И вот и он поднимается и уходит. Кто-то встаёт молча. Кто-то возмущенно кричит. Кто-то недовольно бурчит себе под нос. Кто-то не понимает, что это и есть мой главный фильм, и ждёт пока киномеханик наладит картинку.

На выходе всем возвращают деньги за билеты и извиняются, говоря, что история должна была быть потрясающей, героя ждала интереснейшая судьба, но роковая случайность прервала её в самом начале. Кто-то спокойно берёт деньги, кто-то радостно, кто-то всё равно недоволен и чувствует себя обманутым, а время потраченным впустую. Кто-то отказывается от денег, а кто-то швыряет их билетёру в лицо.

И только один человек досиживает до самого конца. До финальных титров. Может он думает о чём-то. Может спит.

— Да уж, мрачновато.

Ник пожал плечами.

— Ты поняла о чём кино?

Кэт задумчиво пропела строчку Земфиры. Получилось неплохо. Я так боюсь не успе-еть, хотя бы что-то успе-еть.

— Ну да.

Однажды, в очередной раз отговаривая меня что-то сделать, ты произнесла слова, перекликающиеся с идеей фильма. — Ник опять едва не нарушил договор, но спохватился и не произнёс мысль Кэт из будущего. Но помнил он её очень хорошо: «Наше счастье так хрупко, так легко можно его разбить необдуманном поступком. Своей глупостью мы можем изменить будущее, это понятно. Можно потерять то, что должно было случиться. Не решиться подойти к нужному человеку. Не поменять работу. Не познакомиться. Не сказать. Не сделать. В результате прожить не свою жизнь. А свою жизнь так и не прожить. Жизнь, это и то, что случилось, и что должно случиться. И это равноправно»

Отличие было в том, что тогда Кэт боялась потерять часть своего прошлого, а не будущего. Да, в их случае, наверное, это было возможно.

Всему в этом мире отведено своё время. Не меньше, но и не больше. И вот, однажды вечером Ник кое-что увидел. Его сразу обожгло тягучим, густым гулом старого бомбардировщика, ещё невидимого, летящего где-то у горизонта, но всё равно заполняющего всё небо своим рокотом, пронимающим до костей. Рокотом, предвещающим скорую беду. Несущим смерть и разрушение. И ты, семилетний ребёнок, сидишь с бабушкой и мамой в своём бревенчатом доме и не можешь ничего ему противопоставить. Как нечего противопоставить самому времени. Можно только попробовать спрятаться. От бомбардировщика. Не от времени.

А вдруг это не ТА САМАЯ бумажка в её руке? Обмануть себя не получилось. Ник знал. Он увидел в её глазах, как он мог этого не замечать, увидел, что она

уже не принадлежит ему безраздельно. Увидел, что в них нет той нежности, того безграничного доверия, которое было раньше для него и будет позже для неё. Он всегда умел многое понимать без слов. Он вспомнил, что они уже дней пять не занимались сексом. Боже, как можно было этого не замечать! Как можно было столь бездарно потратить последние дни. А что он мог изменить если б знал?

Ник не заметил, как ночь прошла. Голова, нет, тупая пустая болванка не соображала. Настало утро их встречи. Последний день вместе для него.

Он отвык спать один.

Он не знал, что скажет ей. Не знал, как познакомится. Как объяснит. Одно дело она, девушка, открылась ему. А он? Она решит, что он очень-очень глупо пристаёт к ней. Нику было страшно. Этот дурацкий живот опять крутило.

Что если Кэт права, говоря, раз можно своей глупостью изменить своё будущее, потерять часть своей жизни там, то можно потерять и своё прошлое. Потерять всё, что между ними было.

Он нашёл её на берегу. Она задумчиво смотрела на бесконечную рябь, играющую миллионами солнечных лучей, и не слышала, как он подошёл.

— Ну здравствуй, — негромко, чтобы не напугать сказал Ник.

Она обернулась. В её глазах не было страха, но они были широко раскрыты от удивления. И в эту секунду, в эту самую секунду, даже нет, секунда — это же мера времени, какое-то протекающее и измеренное его количество, поэтому секунда не подходит, лучше сказать в эту точку времени, в это самое мгновение он всё вспомнил. Он вспомнил, как проехал за рулём своего Allroad уже бОльшую

часть пути в деревню из своего детства. Вспомнил как тёр утомленные глаза. Как одним краем смотрел на открывшееся после высаженных вдоль дороги бесконечных елей бескрайнее поле по правую сторону, а другим увидел, как встречная инфинити зацепила обочину. Девушка, с широко распахнутыми от страха и такими родными глазами, пытаюсь выровнять тяжёлую машину, крутанула руль влево и потеряла управление, и её понесло прямо ему в лоб. Время остановилось. Он понимал, что она летит на него, но никак не реагировал. Казалось, это длится очень-очень долго. Но всё равно не успел ничего сделать. Она летела на него. Он вспомнил, что она его убила. Убила их обоих.

Ну и что? Он любил её больше жизни.

У них был ещё целый день.